

МАРИЯ БУШУЕВА

МЁД ЖИЗНИ

Новая серия художественной прозы издательства “Любимые” открывается книгой Лидии Сычёвой, в которую вошли рассказы разные, от лирических (“Август в Абхазии”) до почти сатирических (“Идейный карьерист”). Книга о страшной пустоте жизни, если из жизни уходит любовь. И о вере, что настоящая любовь – “это всегда брань, борьба с силами тьмы”, борьба, преобразующая мир и в кризисные времена способная удержать жизнь на своих плечах.

“Мёд жизни” – это, прежде всего, материнская любовь. Это родной дом: “Дом! Какое же это счастье!.. Оно – как вода и воздух, как солнце и сон, как любовь и ласка. Настоящая любовь никогда не разрушит дом, никогда ни у кого ничего не отнимет” (“Вера Могучая”). Вот этот ракурс – взгляд на мир через призму материнской любви – в книге главный. И самый пронзительный, искренний рассказ “Утешение” – о материнском уходе, о том, как героиня (рассказ-исповедь, почти дневник написан от первого лица) переживает уход матери.

Вспоминается “На долгую память” Виктора Лихоносова, но линия сходства отстоит достаточно далеко и от сердцевины рассказа, и от стилистики всей книги. Лидия Сычёва – верный ученик русской классики, и то, что Владимир Сорокин (писатель абсолютно из другого литературного контекста) стилизовал, полагая отмирающим, Лидия Сычёва воспринимает как образец, вдыхая в создаваемое по классическому образцу произведение живое дыхание сегоднешнего дня.

В этой верности традиции есть несомненные плюсы, но есть и некоторые минусы: например, часть концовок в рассказах строится по одной и той же “классической модели” и оттого кажется вторичной. Но ряд рассказов – “В дождь”, “Щедрый стол”, “На скамейке”, “Гуси есть гуси”, “Невеста с приданым”, “Ещё и не жил” – показывает, что и в строгих рамках традиции можно создавать не отжившее, а живое. Традиционная проза – это ведь не просто языковой феномен, но и вопрос веры. В том числе – веры в литературу. И вот здесь – на первый взгляд незаметная на фоне боли о потери мамы, которая для автора “глубинная и, может быть, единственная связь с вечностью, со всем миром, со Вселенной, со всем счастьем и радостью” – болевая точка рассказа “Утешение”.

Мама, незаурядная умная женщина, бывшая “очень думающим человеком, рвущимся в тенётах беспросветного быта”, для Лидии Сычёвой (здесь не стоит отделять автора от исповедующейся героини) – почти святая: “Она и была, наверное, святой ещё при жизни. Для меня, во всяком случае. Сколько в ней было доброты, сочувствующей мне! Сколько неубываемого тщательного трудолюбия! По её способностям суждена была ей другая жизнь”. Живущая

крестьянским трудом женщина, одна из всего окружения, очень любила читать, трепетно вслушиваясь в “слово, так истончающее человека, делающего его таким ранимым, хрупким”. У её родни и соседей в цене совсем другие люди — “крепкие люди, построившие детям дома (или купившие в городах квартиры), люди с трудовым (хозяйство) или зарплатным достатком (на худой конец, с достатком воровским), люди с машинами, в дорогой, с базара, праздничной одежде”, “приветствуются и бой-бабы, умеющие и работать, и спеть-сплясать”. “Слово писателя, — горько замечает писательница, — тут не нужно. Оно даже странно”, “разве что маме моей нужно было”. Но мать уходит, уносит “мёд жизни” — тепло любви родного дома — и уходит вместе с ней её страстная любовь к литературе, которой эмпатически питалась вера в слово у её дочери: у дочери происходит внутренний надлом, когда ей, писательнице, начинается вслед за “крепкими людьми” или “бой-бабами” ненужной казаться литература.

Наоборот, герой рассказа “Из жизни Любарёва” — не очень удачливый, несмотря ни на что верящий в своё призвание писатель, — ощущает порой “прилив нежности” к “занятию, погубившему его жизнь, — нет, не надо ни денег, ни признания, ни славы”, думает он на пороге смерти. Можно вспомнить добром, признаётся Ваня из рассказа “Путь стрелы”, “лишь дни, озарённые вдохновением, “Божьей искрой”: Ваня ушёл от призвания, решив, что, видимо, слабо была натянута тетива лука его судьбы...

Возвращает веру в литературу автобиографической героине Лидии Сычёвой Православная Церковь и любовь к мужчине: “Я всё время искала любви. И готова была найти её в самом ничтожном предмете. И Бог, видя мою беспомощность, смилостивился” (“Вера Могучая”). Теперь сердцевина мира сосредоточена в мужских ладонях: “Я, как пчела-абхазянка, везде летала, вольная, чтобы принести нектар и сладость жизни тебе, тебе одному”, — это голос героини рассказа “Август в Абхазии”. Даже если проходит жизнь, любовь как вечное чувство остаётся: “Во дворе пахло виноградом, несобранные гроздья сохли на лозе, сухие листья устлали дворик, придавая ему сиротливый и брошенный вид. Лишь отважная, одинокая роза, символ любви, призывно цвела у порога...” (“Из жизни Любарёва”).

Со страниц книги встают разные характеры и типы. Народ (а Лидия Сычёва знает народную жизнь) — это не только “бой-бабы” и “крепкие мужики”, но и 19 миллионов тех, кто едва выживает: “Я ему говорю: “Папа, вы не вздумайте помирать! Мы на вашу инвалидную пенсию кормимся”. А он: “Ой, дочка, буду стараться, тянуться!” (“В гостях у золотого миллиарда”). Это обманутые одинокие женщины (“Гуси есть гуси”) и “лохи”-избиратели: “— В прошлые выборы (...) я уже сидела в комиссии. И у меня потом правая рука, которой фальшивые протоколы подписывала, чирьями пошла до плеча. (...) Обдумала я это дело со всех сторон и поняла: болезнь — знак свыше, Божье предупреждение. Больше в таких выборах не участвую” (“Про Дашу, Машу и демократию нашу”), это ставшие бандитами и погибшие парни, клонувшиеся на “романтику больших денег”: “Когда-то такие ребята поднимались первыми в атаку, сражаясь за родину, потом парни этого типа ехали на целину и на БАМ, переливая свои силы и здоровье в достижения социализма, но вот настало время, когда идеологи призвали их к новому служению — быть богатыми во что бы то ни стало, быть не хуже, чем люди с Дикого Запада...” (“Девочки, мальчики”)...

И всё-таки скрепляет все рассказы именно любовь. Потому что она скрепляет жизнь, не даёт ей рассыпаться, потерять смысл, если зов любви не услышан (“Её судьба”), или стать ничтожно-уродливой, как изуродовала авария лицо Лены, предавшей своего жениха, которого она действительно любила, но казавшегося ей слишком добрым и непрактичным по сравнению с другом — “хозяйственным”, из богатой семьи. Некий заманчивый практический ген порой пытается заявить о себе и начать доминировать даже в самой прозе Лидии Сычёвой, тонко смещая этические акценты, тогда она вынуждена вступать с ним в борьбу. Борьбу верой. В любовь. В литературу.